

В.А.Кузнецова

Игра отражений

Н.С.Константинова. Многоголосица культур: *продолжение карнавала*. М., РОССПЭН, 2015.

В рецензии скрупулезно анализируется содержание сборника, отмечаются широта тематического охвата и глубина анализа различных феноменов современной иберо-американской культуры. При этом подчеркивается, что книга нацелена на поиски нового культурного кода, присущего странам иберо-американского культурного ареала, как в целом, так и по отдельности. Отмечается также исключительная актуальность сюжетов статей, в частности, таких как проблемы культурной идентичности и новой государственной культурной политики.

Ключевые слова: идентичность, мультикультурализм, динамика культурных процессов, культурный код.

Подзаголовок новой книги Наталии Сергеевны Константиновой «Продолжение карнавала» отсылает к ее более раннему сборнику — «Страна карнавала», посвященному исключительно культуре Бразилии. Новая книга охватывает иберо-американский мир в комплексе, во всем его многообразии от Мексики до Португалии. Причем авторский взгляд сначала фокусируется на частных аспектах, вне зависимости от места, которое они занимают в культурной иерархии, на бразильских телесериалах, аргентинской драматургии, мексиканской поэзии, испанской философии или португальском фаду. Затем оптика меняется, и происходит переход к рассмотрению таких масштабных проблем, как мультикультурализм или динамика культурных процессов.

Двенадцать эссе, вошедших в сборник, были написаны в разное время и опубликованы в различных изданиях. Но очевидно, что их объединяет одна общая мысль: взаимопроникновение и взаимовлияние культур — латиноамериканской и европейской, португальской и бразильской, даже бразильской и русской. Они многократно отражаются друг в друге, обогащая, дополняя и придавая друг другу новые импульсы для развития. Форма журнальной рецензии позволяет лишь пунктиром обозначить основные идеи и тезисы, отмечая то главное, что делает книгу цельным размышлением о «многоголосице культур».

Сборник начинается статьей, «реабилитирующей» жанр, казалось бы, навсегда обреченный находиться в ни-

Варвара Александровна Кузнецова — аспирантка ИЛА РАН (variavoll@inbox.ru).

ше низкопробной продукции масскульта, — бразильский телесериал. И дело даже не в том, что Н.С.Константинова обращает наше внимание на очевидные художественные достоинства бразильских теленовелл — великолепные актерские работы, зачастую классическую литературную основу, как в случае со знаменитой «Рабыней Изаурой». Автор ставит бразильские сериалы в один ряд с такими истинно бразильскими «брендами», как футбол или карнавал. «Сказки со счастливым концом», покорившие весь мир, от Кубы до России, оказываются еще одним ключом для понимания бразильской ментальности, «бразильскости», или «*brasilidade*».

Так или иначе все статьи книги нацелены именно на поиск особого культурного кода, присущего каждому народу, и того общего, что возникает при взаимопроникновении тех или иных культур. Даже в очерках-портретах, посвященных великому бразильскому архитектору-модернисту Оскару Нимейеру и испанскому философу Хулиану Мариасу, речь идет в первую очередь о национальных особенностях их творчества и о том, как голос каждой конкретной культуры преломляется в полифонии общей «многоголосицы».

Нимейер — «последний архитектор-мечтатель» — безусловно, фигура мирового масштаба. В статье, написанной к столетию великого бразильца, автор, касаясь основных этапов его биографии, анализирует взаимосвязь творческих исканий и политических взглядов художника. Нимейер сознательно стремился, говоря словами искусствоведа Маурисиу Палса, «эстетическими средствами решать проблемы современной жизни». В полемике о социально ориентированной архитектуре он иногда выглядел излишне политизированным, заявляя, например, что победившая утилитарность, красота его зданий прежде всего ориентирована на бедных — тех, кто не войдет внутрь, но сможет, оставаясь снаружи, «пережить момент удивления и радости». Но каковы корни этой эстетики? На этот вопрос Нимейер ответил так: «Меня очаровывает не

подчиняющаяся никаким законам геометрии чувственная, изогнутая линия. Я сталкиваюсь с ней, глядя на горные вершины своей страны; вижу в извилистых руслах рек и различаю, всматриваясь в облака, плывущие по небу; узнаю в очертаниях фигуры любимой женщины» (с. 24). Так говорить об архитектуре мог только истинный бразилец, привнесший свою неповторимую *brasilidade* в мировую архитектуру.

Мотив поисков национальной идентичности проходит через весь сборник. Ищут себя аргентинские эмигранты во Франции — герои фильма «Танго, или Изгнание Гарделя», которому посвящена одна из статей. О корнях и роли национальных традиций идет речь в эссе «Сердце — мера всех вещей», где вскрывается, как португальцы формулируют, в чем же заключается «искусство быть португальцем». Португалец — это и кухня, «менее кровавая», чем испанская, это и коррида, в которой не убивают быка, и неповторимое *фаду*, вобравшее в себя *saudade* — вековую тоску по былому величию. Все это —

часть традиции, но не окаменевшей, не музейной, а порождающей новую реальность здесь и сейчас.

«Активный мечтатель» — такую, казалось бы, противоречивую характеристику дает национальному характеру португальский антрополог Жоржи Диас. Он выводит на первый план особую пассионарность, позволившую Португалию открыть и сформировать Бразилию, создать целый мир «лузофонии», где португальская культура играет роль первого, изначального зеркала, в котором отразилось множество других.

Под иным, более масштабным углом зрения тема культурной идентичности предстает в статьях «Мультикультурализм в разных контекстах» и «Динамика культурных процессов». В центре внимания автора — Испания, культуру которой лучше всего характеризуют слова «богатство и разнообразие». Эта не самая большая по территории европейская страна поделена на 17 автономий и 50 провинций. В ней, помимо государственного, существуют еще три самостоятельных языка, один из них — баскский — даже не является индоевропейским. Однако этот изначально разнообразный культурный ландшафт подвергается постоянным видоизменениям. Их причина — неизбежные контакты с иными культурами, в том числе представленными иммигрантами. Все это приводит автора к мысли, что в данном случае речь идет даже не о *культурном разнообразии*, а о *мультикультурализме*.

За этим словом, на первый взгляд нейтральным, скрывается целый ряд злободневных вопросов, лишь недавно вышедших на поверхность. Автор пишет: «До недавнего времени культурное разнообразие не являлось проблемой, поскольку разные культурные миры еще не находились в таком тесном контакте между собой, как сейчас» (с. 125). Сегодня, в эпоху глобализации, особенно актуальными становятся вопросы: «Что есть Испания? Плюрикультурная нация, нация наций или плюринациональное государство?». Вопросы эти далеко не риторические.

Речь идет о претворении в жизнь осознанной культурной политики, которая будет адекватно реагировать на вызовы сегодняшнего дня.

Н.С.Константинова приводит различные точки зрения на заявленную проблему. Некоторые из них относятся к категории весьма радикальных. В качестве иллюстрации дается отрывок из статьи «Демократия и культура», опубликованной в «El País», в которой журналист называет мультикультурализм «фатальной гангреной демократического общества».

И тем не менее автор приходит к выводу, что «узор культурного разнообразия еще очень долго будет оставаться доминантой духовной жизни Испании» (с. 88). Предпосылки для этого можно обнаружить в самом характере динамики культурных процессов Иберийского полуострова. Иберо-американская культура — здесь мы уже можем перекинуть мостик от Старого Света к Новому — изначально не была статичной и формировалась в тесном контакте с иными этносами. Она «распространялась из одного региона в другой, транслировалась от предшествующих поколений последующим, пополнялась новыми материальными и духовными продуктами» (с. 118). В этом автор видит залог развития и движения вперед.

Коль скоро речь заходит об иберо-американской культуре в целом, следует сказать, что в Латинской Америке проблема культурной идентичности является не менее острой. Здесь имеет место своя специфика, связанная с особой этнической конфигурацией региона. Огромную роль на территории испаноязычных государств играет индейский фактор, трансформирующий культурное наследие метрополии.

Особняком стоит вопрос о самом единстве латиноамериканской культуры. Исследователи не могут прийти к единому мнению, и все же в латиноамериканских странах «преобладает мнение, что целесообразнее культивировать то, что можно назвать латиноамериканской общностью, нежели акцентировать внимание на различиях» (с.127).

Важнейшим преимуществом в борьбе за создание общего культурного пространства в Латинской Америке является сама возможность прямой языковой коммуникации между ее жителями. Испанский действительно стал вторым международным языком во всем Западном полушарии, не исключая Бразилию — единственную страну, представляющую здесь мир лузофонии. Как отмечает Н.С.Константинова, образованные бразильцы, как правило, читают по-испански в оригинале, тогда как обратной взаимосвязи с испаноязычными жителями Латинской Америки не наблюдается.

В контексте разговора о поисках национальной идентичности нужно признать, что Бразилия стоит здесь несколько особняком. Этот факт отражен в последней статье сборника с «говорящим» подзаголовком — «Харизматичная страна». Эта очевидная всему миру особая харизма появилась в результате сплава португальской, индейской и африканской культур, в котором каждая составляющая является абсолютно равноправной. В подтверждение этого тезиса Н.С.Константинова цитирует известного бразильского социолога Жилберту Фрейри: «Главный урок бразильского смешения заключается именно в признании «другого» как конституирующей составляющей себя самого. Это смешение — не отрицание собственного культурного наследия, а, наоборот, его утверждение» (с. 141).

Возвращаясь к началу сборника, к статье «Сердце — мера всех вещей», можно еще раз разглядеть игру культурных отражений — на этот раз Португалии и Бразилии. В зависимости от политической конъюнктуры социологи и антропологи дают разные оценки самому факту открытия Бразилии Педру Алваришом Кабралом в 1500 г. и процессу освоения территории, но при этом нельзя не признать, что начало «утверждающему» смешению культур на земле Бразилии положили именно португальцы. Можно предположить, что секрет этого удачного сплава именно в нацио-

нальном характере «активных мечтателей», «никогда не сомневавшихся в «человеческой сущности» уроженцев колонизированных земель» (с. 57).

Подводя итоги, Н.С.Константинова еще раз цитирует Жилберту Фрейри: «Мир не готов быть единым миром... Но и... отдельные, изолированные, националистически настроенные нации являются на сегодняшний день архаизмом. Счастливы те нации, которые оказались способны образовать с другой или другими транснациональные культурные сообщества, как это произошло и происходит в португальском мире» (с. 141).

Еще один голос в полилоге культур, рассматриваемом в сборнике, принадлежит России. Н.С.Константинова посвятила отдельную статью особенностям культурной политики России и Бразилии. Автор считает, что «между нашими странами есть немало общего, что проявляется в схожих трендах, присутствующих на разных уровнях культуры, — от общерегионального до локального» (стр. 106). Эту общность заметил еще известный бразильский социолог и президент страны в 1995—2002 гг. Фернандо Энрике Кадозу, назвавший Бразилию «тропической Россией». Перед странами, принадлежащими к так называемым «пограничным культурам», стоят схожие задачи в сфере культурной политики. Кроме того, отмечается безусловный взаимный интерес, способствующий активизации транскультурного диалога.

Завершая пунктирный обзор эссе, вошедших в сборник «Многоголосица культур», можно прийти к выводу, что этот полифонический хор культурных кодов и менталитетов приобретает в итоге форму полноценного полилога. Каждый голос в нем звучит отдельно, при этом органично вплетаясь в общую канву. В результате волшебного, почти алхимического соединения неумовимых элементов возникает то новое, что делает культуру не застывшим музейным экспонатом, а живым организмом, развивающимся и движущимся вперед.